ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 39:930.2

DOI: 10.17223/2312461X/31/10

МЕТОДОЛОГИЯ И ПРИНЦИПЫ ЦИФРОВОЙ АНТРОПОЛОГИИ*

Сергей Валерьевич Соколовский

Аннотация. Рассматриваются принципы проведения антропологических исследований виртуальных сообществ и анализа цифровых технологий, влияния этих технологий на культуры повседневности, речевые и литературные жанры, новые виды социальности и идентичности с учетом таких особенностей цифровой среды, как опосредованность коммуникации техническими устройствами, принципиальная неполнота ее контекста, дискретность во времени, рутинизация ее использования и обусловленная ею невидимость цифровой инфраструктуры, т.е. тех характеристик новых медиа, которые определяют особенности применения стандартных и разработку новых методов антропологических исследований в цифровой среде. Рассматривается методология цифровой этнографии как совокупности конкретных методов, адаптированных к целям исследований. Ставится проблема определения границ объекта исследования в цифровой этнографии на основе сравнения концепции классического этнографического поля с полевыми онлайн-исследованиями.

Ключевые слова: цифровая этнография, методы цифровых исследований, виртуальные сообщества, цифровое поле

Нынешняя пандемия с ее карантинами и локаутами, удаленной учебой и работой представляет собой масштабный социальный эксперимент, высвечивающий различия между практиками и видами деятельности в онлайн и офлайн. Производители цифровых устройств и программного обеспечения также предпринимают энергичные попытки адаптироваться к изменившейся ситуации и сформировавшимся в процессе пандемии новым потребностям пользователей. Одним из таких направлений стало совершенствование вебкамер для обеспечения лучшего качества видеосвязи и видеозаписи: ряд производителей ноутбуков объявили о скором поступлении на рынок новых моделей с улучшенными камерами; *Samsung* пообещал уже в начале 2021 г. выпустить смартфон *Galaxy*, оснащенный новыми более мощными камерами и возможностями цифровой обработки видео; компания *Apple* объявила о выпуске новых *MacBook Air* и *MacBook Pro* с новым чипом собствен-

* Статья написана в рамках плана НИР Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук.

ной разработки, позволяющим им гораздо дольше работать без подзарядки. Внедряются новые методы для обеззараживания цифровых устройств – портативные ультрафиолетовые санитайзеры для микрофонов и клавиатур и очистители воздуха. Трудности, с которыми сталкиваются представители многих профессий и занятий при их переводе в онлайн и различные способы их преодоления, обусловленные этим переходом изменения требований, правил, норм и стандартов, – все это представляет безусловный интерес для цифрового антрополога и трансформирует ряд антропологических дисциплин, таких, например, как антропология образования, профессий и организаций, техноантропология. Думаю, что в ближайшем будущем мы станем свидетелями появления новых интересных работ, сопрягающих цифровые подходы с традиционными методами этих дисциплин. Вместе с тем есть основания говорить и о трансформации антропологии и социальных наук в целом. Социальные исследователи, поставленные перед необходимостью проводить исследования удаленно, были вынуждены адаптировать свои методы и подходы к новой цифровой реальности.

Опосредованная цифровыми технологиями коммуникация, по крайней мере, в современных индустриальных обществах, носит массовый характер: всемирная паутина охватывает сегодня около 4,66 млрд чел. на планете, т.е. почти 60% ее населения. Таким образом, киберпространство стало ареной развертывания важного для исследователей комплекса коммуникативных практик, и этнографы не могут не уделять им соответствующего внимания, если хотят иметь представление о влиянии этих практик на культуру и общество. Уточним, о чем идет речь, когда мы употребляем термин «цифровой» по отношению к научной дисциплине. Иногда путают понятия *цифрового* (англ. *digital*) и *количественного*, или *числового* (англ. *numerical*). Под цифровыми методами, подходами, технологиями сегодня обычно подразумеваются лишь те, которые опосредуются устройствами, использующими двоичный код. Таким образом, термином «цифровой» мы обозначаем лишь технологии и среды, или объекты и процессы, в работе которых участвуют или которые опосредуются двоичными машинными кодами; за остальными методами, основанными на расчетах, мы оставляем термин «количественные», что соответствует противопоставлению *digital* – *numerical* в англоязычной научной литературе.

В методологии цифровых антропологических исследований продолжается дискуссия между сторонниками «чистой цифры» – проведением исследований без обращения к офлайн-реалиям, с одной стороны, и приверженцами комбинированных методов исследований, где в фокусе внимания оказываются и устройства, и их пользователи, а также различные объекты киберпространства – с другой. Некоторые используемые в этнографических исследованиях методы, например цифровые

геолокационные технологии, ориентированы почти исключительно на офлайн, а собственно цифровая технология здесь остается лишь современным инструментом, более быстрым и удобным, нежели традиционно использовавшиеся приборы и методы геолокации (Matthews, Detwiler, Burton 2005; DeNicola 2006). Нужно также отметить, что значительная часть методологии и методов цифровой антропологии мало отличается от таковых в антропологии традиционной, т.е. офлайновой, поскольку является переносом сложившихся и классических методов в новую среду. Интервьюирование с помощью смартфона вряд ли будет существенно отличаться от прежнего телефонного интервью, если вы в нем не используете видео, но даже и при его использовании такое интервью не будет качественно отличаться от прежнего телевизионного, когда телевидение еще было аналоговым, или обычного интервью лицом к лицу. Эти примеры, между прочим, показывают, что не всякое использование цифровых технологий автоматически подразумевает появление особого «цифрового» качества такой методологии. В этом смысле, используете ли вы в поле обычную камеру и диктофон, или, например, видеомагнитофон, а не смартфон и цифровую видеокамеру, конечно, облегчает во втором случае обмен собранными материалами или их хранение, но не меняет существенным образом самой методологии сбора полевых материалов. Риску предположить, что метод становится цифровым лишь тогда, когда «цифра» превращается в действительного *посредника*, т.е. влияет на сущностную сторону этой методологии и сказывается на анализе полученных результатов.

На заре становления цифровой антропологии как самостоятельной области исследований один из ее пионеров, американский антрополог колумбийского происхождения Артуро Эскобар полагал, что она должна заняться изучением: 1) новых цифровых технологий; 2) виртуальных сообществ, создаваемых при посредстве таких технологий; 3) влияния этих технологий на культуру повседневности; 4) их влияния на язык, коммуникацию, социальные структуры и культурную идентичность; 5) политэкономии киберкультуры (Escobar 1994: 217–220). Предметы и объекты каждого из этих направлений существенно отличаются от соответствующих предметов и объектов всех других из перечисленных. В свою очередь, специфика предмета и объектов требует либо особого подбора исследовательских методов, либо, если существующие методы по каким-то причинам не работают, разработки новых.

Очевидно, что для первого из названных Эскобаром направлений, нам потребуются, если говорить об антропологии и ее инструментарии, методы техноантропологии, а за пределами антропологии – методы STS. Разработке методологии, подходящей для этого направления, должны помочь знание истории и философии техники и соответствующая литература относительно изобретения, использования, развития и

распространения цифровых технологий (например: Сачмен 2019 – книга, в которой подробно рассматривается разработка технологии цифрового копирования и создания соответствующих устройств и аппаратов и предлагается важное для этого направления понятие «интерактивные артефакты»).

В рамках этого направления цифровых или киберантропологических исследований логично возникает и следующее из названных Эскобаром направлений – исследование виртуальных сообществ, возникающих при посредстве или на основе таких технологий. Необходимо отметить, что конструирование, внедрение и распространение интерактивных артефактов, в основе работы которых лежат цифровые технологии, могут приводить к возникновению тесно взаимодействующих сообществ: сообщества разработчиков сегодня тесно взаимодействуют с потребителями создаваемых им артефактов; возник даже специальный термин для обозначения потребителей, активно вовлеченных в процесс создания технологий – *prosumer*. Разработчики реагируют на запросы и предложения потребителей, однако исследование таких сообществ, *raison d'être* которых являлись разработка и совершенствование соответствующих устройств, еще не превращает их в сообщества цифровые, а их исследования *антропологическими методами* – еще не становятся цифровой антропологией. Лишь функционирование некоторых из этих технологий, порождающих новый тип реальности – виртуальную среду, с помощью и в границах которой формируются особый тип социальных образований – *виртуальные сообщества* – дает некоторые основания рассматривать исследования этих сообществ как цифровую антропологию. Нужна осторожность, чтобы говорить о возникновении таких оснований, поскольку даже в этом случае «цифра» может выступать в качестве обычного *проводника*, ничего не меняя по существу и не превращаясь в *посредника*, т.е. не давая оснований рассматривать эти исследования как цифровую антропологию.

Иными словами, требуется доказать, что опосредование кодом в данном конкретном случае меняет что-то по существу, прежде чем объявлять этот исследовательский подход цифровым. Антропологи пробовали решить эту проблему, поставив вопрос о специфике цифрового поля по отношению к полю традиционному, заодно уточняя и переосмысливая метод погружения или участвующего наблюдения (Hine 2015: 56; Bluteau 2019). Очевидно, что если бы удалось продемонстрировать специфику виртуального поля или яркие особенности социотопов в киберпространстве по сравнению с офлайновыми реалиями, то фактически любое исследование с использованием антропологических методов в этом пространстве можно было бы квалифицировать как цифровую антропологию. Такого рода подтверждение можно получить, если мы обнаружим и сможем описать и картографировать фундамен-

тальные изменения, которые привнесли в нашу жизнь эти технологии, и ответим на вопросы, как они меняют нас, наши идентичности и повседневность, как влияют на формы нашей социальности, на наши тела и поведение.

Для ответов на эти сложные вопросы требуется более детально проработанный репертуар этнографического вопрошания, в том числе и в отношении методологии и методов исследования, дающий шанс на более глубокое понимание новых реалий. Такому пониманию может помочь последовательное сравнение конвенциональных этнографических методов и подходов с особенностями виртуального поля и исследований в цифровом пространстве. К таким особенностям относится, например, *опосредованный характер коммуникации* между исследователем и его информантами. Традиционная полевая этнография предполагает общение лицом к лицу или непосредственное наблюдение за происходящим в реальном времени и трехмерном пространстве. При онлайн-исследовании общение опосредовано не только технологией, но часто еще и текстом, разворачивается на плоскости экрана и – в дискретном онлайн-времени. Какие корректировки антрополог должен внести в свои методы с учетом этих особенностей? Какие из методов лучше соответствуют природе этой особой среды? Поскольку соответствующие методы в случае антропологии развиваются уже не менее четверти века, некоторые ответы на эти вопросы имеются уже сегодня. Однако интерес представляет и собственно теоретическая сторона обоснования опосредованного знания и опоры на вторичные по сравнению с классическим полем источники.

Одним из аргументов в пользу приемлемости сетевой этнографии, или как ее иногда именуют в англоязычной литературе – *нетнографии* (от англ. *net* – сеть), является то обстоятельство, что удаленный или опосредованный доступ к происходящему в сети со стороны ее исследователей воспроизводит характер этого доступа к ней и со стороны ее пользователей. В этом смысле этнограф идет вслед за изучаемыми и опирается, среди прочего, на их обычные практики. Он занимается включенным наблюдением, поскольку принимает непосредственное участие во взаимодействии изучаемых. Такое взаимодействие, впрочем, и составляющие его ситуации в отличие от классического поля не представлены этнографу в их целостности; некоторые их элементы приходится достраивать и восстанавливать их значение на основе собственного опыта участия в сетевых событиях. Более того, само значение терминов *ситуация* или *событие*, если речь идет об их сетевых версиях, существенным образом меняется в силу пространственно-временных особенностей цифровой среды. Подходящим понятием для описания особенностей этого пространства может стать тип пространства, который описывался Лейбницем – пространство как *совокупность*

отношений между объектами, а не абсолютное евклидово трехмерное пространство механики Ньютона, где оно мыслится как неподвижное вместилище объектов. О взаимодействиях в киберпространстве правильнее думать как о нелокальных, что ассоциируется с объектами квантовой механики. Мы не обнаруживаем в этом пространстве четких границ и ясной структуры исследовательского поля, нередко не знаем числа участников события, в особенности тех, кто принимает в нем пассивное участие, не проявляя или проявляя себя отсроченным образом в блогах и лентах. В методологическом отношении мы должны помнить, что сталкиваемся здесь лишь со *следами* взаимодействия, частичными его образами, с неполными значениями, и эта неполнота носит принципиальный характер, влияющий на само такое взаимодействие. Ее осознают не только исследователи, но и все остальные участники, и именно поэтому мы столь часто сталкиваемся здесь с оговорками, поправками, уточнениями, дополнительными вопросами, эмоциями и прочими средствами восполнения отсутствующих элементов контекста, обычно не достигающими той полноты и ясности, которая свойственна коммуникации в офлайне.

Еще одним методологическим принципом, связанным с только что отмеченным принципом *неполноты контекста*, является *отключение* в онлайн некоторых *каналов восприятия*, обычно функционирующих при непосредственном общении. Это прежде всего обоняние и тактильность – каналы восприятия, ответственные за атмосферу коммуникации едва ли не в большей степени, нежели обычно доминирующие зрение и слух, отключение которых не может не менять ее характер. На характере коммуникации в интернете сказывается также и то обстоятельство, что она игнорирует не только географические барьеры, но и барьеры социальные, хотя во многом пока сохраняет языковые и, если говорить о доступе к этим технологиям, то также и барьеры, связанные с уровнем образования и экономического положения (доступ к интернету в некоторых странах Африки, таких как Сомали или Эритрея, достигает всего 2%, в то время как в скандинавских странах он превышает 90%). Россия в этом рейтинге занимает по абсолютному числу пользователей (данные на октябрь 2020 г.) шестое место в мире с долей охвата населения в 81% (почти 116 млн чел.). В то же время абсолютное преобладание русского языка в Рунете ставит вопрос об особенностях его использования среди иноязычных пользователей, у которых русский родным не является. Все эти особенности должны учитываться при планировании и проведении онлайн-исследований или в ходе анализа их результатов.

Еще один заслуживающий внимания момент связан с *рутинизацией* интернета и его превращением (речь идет, разумеется, о тех сообществах, в которых он стал частью повседневности) в немаркированную и

неприметную инфраструктуру, обеспечивающую множество различных социальных практик – торговлю и оплату товаров и услуг, источник сведений и знаний, средство для отдыха и развлечения, политического участия, профессиональной занятости и пр. Такое неприметное функционирование и слияние с повседневными практиками маскируют переходы между обычным физическим и киберпространством и размывает их границы. Вебсерферы, блогеры и прочие кибернавты перестали быть символами нового поколения, хотя оно по-прежнему лидирует по доле пользователей самыми передовыми и новыми цифровыми устройствами; мальчишки-спальщиками постарели и уже не ассоциируются с киборгам, точнее – киборгам стали все. В этом отношении цифровая связь стала столь же привычной, как и давно известные инфраструктуры – водопровод и канализация, транспортные и электросети. Однако наблюдающаяся банализация киберпространства как части нашей новой реальности вовсе не означает превращение ее исследований в банальные и стандартные. Еще менее банальным выглядит удаленное этнографическое исследование, реализуемого в этом пространстве и требующее от этнографа особых усилий по выбору методологии и методов для столь специфической ситуации полевого сбора материалов.

Выше, в связи с теми направлениями, которые перечислил Эскобар, уже упоминалось, что методы в рамках цифровой антропологии должны выбираться и адаптироваться применительно к конкретным предметам, объектам и задачам исследования. Их многообразие умножается за счет существования разных типов и форм приложения цифровой антропологии. Речь может идти о столь разных проектах, как ведение мультимедийного блога с обсуждением антропологических проблем или исследовательских кейсов, или полноформатной онлайн-этнографии с длительным, иногда превышающим год полевым погружением, подобно тем, на основе которых написаны книги Криса Келти, Тома Белсторфа, или Габриэлы Коулман (Boellstorff 2008; Kelty 2008; Coleman 2012). Кроме того, реализуются антропологические онлайн-видеопроекты и гипертексты, проводится оцифровка антропологических музейных коллекций, осуществляются исследования человеческого тела и поведения с помощью цифровых устройств. Каждый из этих проектов предполагает наличие особой формы сотрудничества между исследователями и исследуемыми, что может приводить к появлению его новых форм. Использование цифровых технологий создает также новые формы записи и изменяет сам характер антропологического письма, на которое оказывают влияние и возникающие за рамками научного письма новые цифровые литературные и устные жанры.

Существует, однако, и более консервативная точка зрения на цифровую антропологию (ЦА), существенно сужающая сферу использования этого термина и рассматривающая ЦА не как особую область приложе-

ния антропологических знаний и методов, подобную, например, медицинской или юридической антропологиям, а в качестве специфического *методологического подхода*, заключающегося в исследовании отношений между реальным и виртуальным на основе включенного, или, как его еще называют, участвующего наблюдения. Эту точку зрения отстаивает один из лидеров этого направления – Том Белсторф. Для него ЦА выступает прежде всего в качестве особой исследовательской техники, и он критикует тех исследователей онлайн-реалий, которые используют лишь интервью или опросы, что, по его мнению, не позволяет относить такие исследования к жанру этнографии. Иными словами, он не без оснований считает, что не всякое исследование в киберпространстве, даже если оно основано на качественных методах, автоматически становится этнографией. Свою концепцию, опираясь на семиотику Пирса и лингвистические концепции так называемых индексикальных слов, чей смысл всегда определяется внелингвистическим контекстом, он называет индексикальной теорией взаимодействия реального и виртуального в социальных практиках (Boellstorff 2012: 40).

При рассмотрении принципов ЦА следует учесть исследования Сары Пинк и ее коллег, отраженные в монографии «Цифровая этнография: принципы и практики», в которой авторы выделяют и описывают пять таких принципов: множественность (*multiplicity*), нецифроцентричность (*non-digital-centric-ness*), открытость (*openness*), рефлексивность (*reflexivity*) и неортодоксальность (*unorthodox*) (Pink et al. 2016). Под *множественностью* они понимают настройку этого подхода на различные контексты и задачи, что порождает множественные версии этнографии, а также зависимость от цифровой инфраструктуры, которая создает разные ситуации для ее пользователей, зависящие, например, от доступности *Wi-Fi* сетей и широты отведенного для них диапазона, мощности аккумуляторов используемых устройств и частоты их подзарядки и т.п. Под *нецифроцентричностью* подразумевается фокусировка исследования не на самих технологиях, а на *практиках*, которые включают использование цифровых медиа. *Открытость* в данном контексте означает не только гибкость и адаптивность замысла исследования, не отвергающего появляющиеся в его ходе возможности, но и привлечение внешних партнеров, сотрудничество с потенциальными потребителями получаемого знания. Под *рефлексивностью* авторы понимают не только осознание субъективных моментов в этнографическом исследовании, но и объяснительно-толковательную сторону этнографического письма, а также этические аспекты производства этнографического знания, когда исследователь отдает отчет, что это знание получено во взаимодействии с другими людьми, и признает их вклад. Наконец, под *неортодоксальностью* авторы понимают инновационный характер цифровых исследований, экспериментальный характер пред-

ставления их результатов, не совпадающий, как правило, с жанром классической этнографической монографии или конвенциональной научной статьи, и, наконец, новые способы распространения результатов исследования в формах блогов, видеоконтента и новых коллаборативных проектов. Очевидно, что все перечисленные принципы были выведены в качестве общих характеристик конкретных исследовательских проектов, также представленных в этой книге, а не разработаны ее авторами заранее в качестве регулятивных принципов цифровых исследований.

В относительно недавно изданном руководстве «Этнография для интернета» систематически рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается этнограф, и излагаются некоторые способы их решения (Hine 2015). В третьей главе этой работы автор описывает этнографические стратегии онлайн-этнографии, сравнивая ее со стратегиями классической полевой этнографии. В последнем случае этнограф черпает сведения из прямого наблюдения или участия, а не из ретроспективных повествований участников какой-то деятельности или практики, при возможности пробуя все на себе и получая в результате эмоциональной и телесной вовлеченности в событие детальное о нем представление (55). Помимо этого, личное участие и взаимодействие лицом к лицу с другими участниками события позволяет мгновенно получать обратную связь и, соответственно, корректировать свое поведение, а также обсуждать происходящее.

Для того чтобы эти характеристики реального поля могли быть воспроизведены и в поле виртуальном, необходимы особые стратегии. Физическое присутствие в последнем, например, заменяется иногда *отслеживанием связей*, соединений и отношений во времени. Сам выбор интернета его пользователями как среды для профессиональной деятельности или досуга должен быть осмыслен в его конкретных актуализациях, в том числе и при учете ответов на вопросы, почему в данных случаях не используются альтернативы (т.е. другие среды и средства) и существуют ли альтернатива в данном случае. Некоторые онлайн-сервисы (например, *Zoom*, *Bluejeans*, *KUDO*, *MyOwn Conference*, *Google Chat*, *Skype* и другие, разработанные специально для проведения вебинаров и видеоконференций) предполагают сопresутствие всех участников события, и в этом отношении мало отличаются от ситуаций присутствия в классическом этнографическом поле, обеспечивая взаимную видимость и слышимость и даже совместность телесного опыта (например, усталость от длительного пребывания перед экраном компьютера). Цифровой этнограф должен уметь эксплицировать конвенции сопresутствия в исследуемом им сообществе и с этой целью видеть и фиксировать нарушения гласных и негласных норм и правил и реакций на данные нарушения, а также организовать *монито-*

ринг режимов видимости и слышимости (кто, кого и когда видит и слышит, как и в каком модусе обеспечивает собственную видимость и слышимость в группе; существуют ли очередность и иные формы иерархии и порядка, какие формы репрезентации доминируют, что люди показывают и что пытаются скрыть и т.д.).

Практика отслеживания *связей, правил и режимов восприятия* помогает этнографу установить границы исследуемого «поля» в киберпространстве либо как границ наблюдаемого сообщества, либо как границ интересующей ситуации. Ситуация с распределенными или трудно локализуемыми объектами наблюдения не нова для антрополога: мультилокальной этнографии посвящена серия работ Джорджа Маркуса (Marcus 1995, 1998, 2012; Елфимов 2020). Сюда же можно отнести ряд исследований мигрантских сообществ и приграничных территорий с потоками людей и товаров. В фокусе внимания в такого рода исследованиях оказывается сама мобильность, текучесть, гибридность и распределенность, а организующими их концептами выступают *нелокальные* понятия и метафоры, такие, например, как конфликт, изменение, сеть (Multi-sited Ethnography... 2009). Общеметодологическим принципом здесь остается то обстоятельство, что комплекс задач конкретного исследования задает границы поля и создает его предмет. Иногда такой предмет требует от этнографа не только обычной для него роли рядового участника происходящего, но и активного вмешательства на уровне модератора, позволяющего получить более полную картину происходящего.

Сегодня в распоряжении как начинающих исследователей, так и специалистов имеется обширная литература по цифровым методам, включая обзоры и компендиумы энциклопедического объема (Dicks et al. 2005; Hine 2005; Internet Inquiry... 2009; Thelwall 2009; Boellstorff et al. 2012; Varis 2014; Pink et al. 2015; Rogers 2013, 2019; Costa, Condie 2018). Британская исследовательница Кэтрин Досон в недавно опубликованном ею руководстве по цифровым методам описывает несколько десятков методов онлайн-исследований, в числе которых есть мобильная и онлайн-этнография (Dawson 2020: 93–99, 206–212, 248–254). Она приводит ключевую литературу по каждому из рассматриваемых в ее руководстве методов, а также перечни сайтов и описание ключевых проблем и вопросов, при поиске ответов на которые данные методы используются. Впрочем, далеко не все из приводимых в ее книге методов использовались антропологами или имеют потенциал такого использования – часть из них ориентирована на решение прикладных задач, например для маркетинга и моделирования поведения потребителей или прогнозирования.

Помимо методов традиционной этнографии, обычно используемых в полевых этнографических исследованиях – участвующего наблюде-

ния, интервью, опроса, ведения полевых дневников, фото- и звукозаписи, работы с архивными и прочими источниками, картографирования, а впоследствии анализа собранных текстов и видеоматериалов, адаптированных к ситуациям и контекстам виртуального пространства, для цифровой этнографии, или нетнографии (Kozinets 2010a, b; 2015) весьма эффективным жанром письма и методом исследования оказывается автоэтнография. Именно на этот метод опирались Том Белсторфф в своем описании персонажей игры *Second Life* (Boellstorff 2008), Кэролайн Хайн, изучавшая на уровне пользователя и модератора платформы *Freecycle* и *Freecycle* для дарения ненужных вещей (Hine 2015: 119–122), и Крис Келти или Габриэла Коулман, которые хотя и не использовали термин «автоэтнография», но посвятили многие страницы своих влиятельных работ рассказам в автоэтнографическом жанре о ключевых моментах их исследований гиков и хакеров (Kelt 2008; Coleman 2012: 7–9).

Наиболее распространенным источником в онлайн-исследованиях являются цифровые архивы. Они отличаются от бумажных не только своей глобальной и почти мгновенной доступностью, но и новым уровнем детализации: по наблюдению Келти, «почти все архивируется: дискуссии, споры и стычки, переговоры и сотрудничество, доклады, программы, статьи, новые истории и устаревший софт с его руководствами, воспоминания, заметки, дневники и рисунки» (Kelt 2008: 21). Диапазон событий, взаимодействий и обменов мнениями в сети, прежде рассматривавшийся как *приватные*, с начала 1980-х гг. стал неуклонно сокращаться. Все следы этого считавшегося прежде приватным общения стали откладываться в глобальном публичном цифровом архиве, что позволяет исследователям разных специализаций не только проследить судьбу отдельных идей и коммуникаций, людей и институций, но документировать и картографировать их развитие с кардинально меньшими по сравнению с поиском в бумажном архиве временными затратами.

Отдельным направлением в анализе цифровых наблюдений является визуализация собранных данных в виде кластеров активности, графиков событий или облака тегов, отражающих структуры взаимосвязей между отдельными сайтами, ключевыми институциями и акторами, элементами текстов, а также распределениями ролей в форумах и блогах социальных сетей¹. В российской цифровой антропологии пока преобладают такие адаптированные к этой среде методы офлайн-полевых исследований, как интервьюирование и опросы, анализ архивов (дискурсивный анализ текстов и различные методы анализа визуальных материалов) и исследования функционирования новых технологий и медиа, а также возникающих на их основе сообществ, и в меньшей степени – включенное наблюдение в киберсреде, современные методы визуализации дан-

ных и моделирование. Предполагается, что с ростом оснащенности антропологически научных центров будет происходить постепенное освоение новых методов и переход к проверке гипотез на основе более сложных методик анализа и моделирования, с обращением к обработке больших данных и использованию нейросетей.

Примечания

¹ Визуализировать связи между сайтами или используемыми в них ключевыми словами можно с помощью онлайн-алгоритмов, например работающего на основе *JavaScript* *TouchGraph SEO* (<http://www.touchgraph.com/seo>). Еще одним мощным инструментом для визуализации и анализа связей между сайтами является специально разработанный для этих целей программный сервис *Gephi*, позволяющий создавать и анализировать графы смысловых связей и ссылок между тематически выбранными сайтами (<https://gephi.org>). Существование, что этот пакет программ распространяется бесплатно, сопровождается обучающими видео и может использоваться любым начинающим цифровым исследователем.

Литература

- Елфимов А.Л. Полилокальная этнография вчера и сегодня: разговор с Джорджем Маркусом // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. С. 106–126.
- Сачмен Л. Реконфигурация отношений человек – машина. М.: Элементарные формы, 2019.
- Bluteau J.M. Legitimising digital anthropology through immersive cohabitation: Becoming an observing participant in a blended digital landscape // *Ethnography*. 2019. first-online. DOI: 10.1177/1466138119881165.
- Boellstorff T. *Coming of Age in Second Life. An Anthropologist Explores the Virtually Human*. Princeton: Princeton University Press, 2008.
- Boellstorff T. Rethinking digital anthropology // *Digital Anthropology* / eds by H. Horst, D. Miller. London: Bloomsbury, 2012. P. 39–60.
- Boellstorff T., Nardi B., Pearce C., Taylor T. *Ethnography and Virtual Worlds: A Handbook of Method*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012.
- Coleman E.G. *Coding Freedom: The Ethics and Aesthetics of Hacking*. Princeton: Princeton University Press, 2012.
- Costa C., Condie J. *Doing Research in and on the Digital. Research Methods Across Fields of Inquiry*. L.: Routledge, 2018.
- Dawson C. *A–Z of Digital Research Method*. L.: Routledge, 2020.
- DeNicola L. The bundling of geospatial information with everyday experience // *Surveillance and Security: Technological Politics and Power in Everyday Life* / ed. by T. Monahan. N.Y.: Routledge, 2006. P. 243–264.
- Dicks B., Mason B., Coffey A., Atkinson P. *Qualitative Research and Hypermedia. Ethnography for the Digital Age*. L.: Sage, 2005.
- Escobar A. Welcome to Cyberia: notes on the anthropology of cyberculture // *Current Anthropology*. 1994. № 35 (3). P. 211–231.
- Multi-sited Ethnography: Theory, Praxis and Locality in Contemporary Research / ed. by M.A. Falzon. Farnham: Ashgate, 2009.
- Hine C. *Virtual Methods: Issues in Social Research on the Internet*. N.Y.: Berg, 2005.
- Hine C. *Ethnography for the Internet: Embedded, Embodied and Everyday*. L.: Bloomsbury, 2015.
- Kelly C.M. *Two bits: the cultural significance of free software*. Durham, NC: Duke Univ. Press, 2008.

- Kozinets R.V. Netnography: Doing Ethnographic Research Online. Thousand Oaks, CA: Sage, 2010a.
- Kozinets R.V. [2010]. Netnography: Redefined. 2nd ed. L.: Sage, 2015b.
- Kozinets R.V. Netnography // The International Encyclopedia of Digital Communication and Society / eds. by R. Mansell, P. Ang. Chichester: Wiley-Blackwell. 3 vols. 2015. P. 1–8. DOI: 10.1002/9781118767771.wbiedcs067.
- Marcus G.E. Ethnography in/of the world system: the emergence of multi-sited ethnography // Annual Review of Anthropology. 1995. Vol. 24. P. 95–117.
- Marcus G.E. Ethnography Through Thick and Thin. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998.
- Marcus G.E. Multi-sited ethnography: five or six things I know about it now // Multi-sited Ethnography: Problems and Possibilities in the Translocation of Research Methods / eds by S. Coleman, P. von Hellermann. L.: Routledge, 2012. P. 16–33.
- Internet Inquiry: Conversations About Method / eds by A. Markham, N. Baym. L.: SAGE Publ., 2009.
- Matthews S., Detwiler J., Burton L. Geo-ethnography: Coupling Geographic Information Analysis Techniques with Ethnographic Methods in Urban Research // Cartographica. 2005. № 40 (4). P. 75–90.
- Pink S., Horst H., Postill J., Hjorth L., Lewis T., Tacchi J. Digital Ethnography: Principles and Practice. L.: Sage, 2015.
- Rogers R. Digital Methods. Cambridge, MA: MIT Press, 2013.
- Rogers R. Doing Digital Methods. N.Y.: Sage, 2019.
- Thelwall M. Introduction to Webometrics: Quantitative Web Research for the Social Sciences. San Rafael, CA: Morgan and Claypool, 2009.
- Varis P. Digital Ethnography. Tilburg: Tilburg University, 2014 (Tilburg Papers in Culture Studies, vol. 104).

Статья поступила в редакцию 14 января 2021 г.

Digital anthropology: Research methods and principles*

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/31/10

Sergei V. Sokolovskiy, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: sokolovskiserg@gmail.com

Abstract. The article outlines the principles of anthropological research on virtual communities and digital technologies and their respective transformative impact on the quotidian culture and practices, writing and speech manners, forms of identity and sociality. Among the peculiarities of the cyberspace the author points out the mediatory nature of online communication, the fundamental incompleteness of its context, its temporal discontinuity, and its routine and banal character that contributes to the invisibility of the digital technology infrastructures. These characteristics of the new media define the modes of application of standard anthropological approaches and in many cases require elaboration of new research methods suited to the needs of a particular research project. Finally, the author comments on the fluid and contextual character of the online reality that raises the issue of the research field and object's boundaries, which differ from those found in offline fieldwork ethnography.

Keywords: digital ethnography, digital research methods, virtual communities, digital fieldwork

* The article is published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow).

References

- Bluteau J.M. Legitimising digital anthropology through immersive cohabitation: Becoming an observing participant in a blended digital landscape, *Ethnography*, 2019, first-online, DOI: 10.1177/1466138119881165.
- Boellstorff T. *Coming of Age in Second Life. An Anthropologist Explores the Virtually Human*. Princeton: Princeton University Press, 2008.
- Boellstorff T. Rethinking digital anthropology. In: Horst H., Miller D. (eds.) *Digital Anthropology*. London: Bloomsbury, 2012, pp. 39-60.
- Boellstorff T., Nardi B., Pearce C., Taylor T. *Ethnography and Virtual Worlds: A Handbook of Method*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012.
- Coleman E.G. *Coding Freedom: The Ethics and Aesthetics of Hacking*. Princeton: Princeton University Press, 2012.
- Costa C., Condie J. *Doing Research in and on the Digital. Research Methods Across Fields of Inquiry*. L.: Routledge, 2018.
- Dawson C. *A-Z of Digital Research Method*. L.: Routledge, 2020.
- DeNicola L. The bundling of geospatial information with everyday experience. In: Monahan T. (ed.) *Surveillance and Security: Technological Politics and Power in Everyday Life*. New York: Routledge, 2006, pp. 243-264.
- Dicks et al. *Qualitative Research and Hypermedia. Ethnography for the Digital Age* / Dicks B., Mason B., Coffey A., Atkinson P. London: Sage, 2005.
- Elfimov A.L. Polilokal'naia etnografiia vchera i segodnia: razgovor s Dzhordzhem Markusom [Multi-Sited Ethnography Yesterday and Today: A Conversation with George Marcus], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 6, pp. 106-126. DOI: 10.31857/S086954150013125-7.
- Escobar A. Welcome to Cyberia: notes on the anthropology of cyberculture, *Current Anthropology*, 1994, 35 (3), pp. 211-231.
- Falzon M.A. (ed.) *Multi-sited Ethnography: Theory, Praxis and Locality in Contemporary Research*. Farnham: Ashgate, 2009.
- Hine C. *Virtual Methods: Issues in Social Research on the Internet*. New York: Berg, 2005.
- Hine C. *Ethnography for the Internet: Embedded, Embodied and Everyday*. London: Bloomsbury, 2015.
- Kelty C.M. *Two bits: the cultural significance of free software*. Durham, N.C.: Duke Univ. Press, 2008.
- Kozinets R.V. *Netnography: Doing Ethnographic Research Online*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2010a.
- Kozinets R.V. *Netnography: Redefined*. 2nd ed. London: Sage, 2010b.
- Kozinets R.V. Netnography. In: Mansell R.; Ang P. (eds.) *The International Encyclopedia of Digital Communication and Society*. Chichester: Wiley-Blackwell. 3 vols. 2015, pp. 1-8. DOI: 10.1002/9781118767771.wbiedcs067.
- Marcus G.E. Ethnography in/of the world system: The emergence of multi-sited ethnography, *Annual Review of Anthropology*, 1995, 24, pp. 95-117.
- Marcus G.E. *Ethnography Through Thick and Thin*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1998.
- Marcus G.E. Multi-sited ethnography: Five or six things I know about it now. In: Coleman S., von Hellermann P. (eds), *Multi-Sited Ethnography: Problems and Possibilities in the Translocation of Research Methods*. London: Routledge, 2012, pp. 16-33.
- Markham A., Baym N. (eds.). *Internet Inquiry: Conversations About Method*. London: SAGE Publ., 2009.
- Matthews S., Detwiler J., Burton L. Geo-ethnography: Coupling Geographic Information Analysis Techniques with Ethnographic Methods in Urban Research, *Cartographica*. 2005, 40 (4), pp. 75-90.
- Pink S., Horst H., Postill J., Hjorth L., Lewis T. and Tacchi J. *Digital Ethnography: Principles and Practice*. London: Sage, 2015.

- Rogers R. *Digital Methods*. Cambridge, MA: MIT Press, 2013.
- Rogers R. *Doing Digital Methods*. N.Y.: Sage, 2019.
- Suchman L. *Rekonfiguratsia otnoshenii chelovek – mashina* [Human–Machine Reconfigurations]. Moscow: Elementarnye formy, 2019.
- Thelwall M. *Introduction to Webometrics: Quantitative Web Research for the Social Sciences*. San Rafael CA: Morgan and Claypool, 2009.
- Varis P. *Digital Ethnography*. Tilburg: Tilburg University, 2014 (Tilburg Papers in Culture Studies, vol. 104).